

Дорога в обход

Луиза М. Суонн

*Ферма Лукаса
Пригороды Нагосимы, Бакминстер
Военный округ Бенджамин
Синдикат Драконов
17 августа 3057 года*

Иногда, чтобы попасть туда, куда ты хочешь, приходится идти в обход. Да, возможно этот путь и не самый прямой, но когда ты скрываешься от закона, тебе приходится учиться импровизировать. Иначе ты – труп. Каким-то образом все эти повороты и перипетия судьбы привели меня туда, где я стою сейчас – на поле перед

моим старым домом и на расстоянии двадцати футов от того места, где я закопал свою униформу сил специального назначения.

– Эй, дядя. На поле моего папы лежит покойник. Вы, случайно, ничего не знаете об этом? – следует вопрос от маленького человечка с вилами, которому каким-то образом удалось прокрасться мне за спину.

Умно с его стороны, не очень с моей.

Я с интересом осматриваю пацана. Выглядит он лет на десять, но что-то мне подсказывает, что ему намного больше. На голове у него поношенная шляпа с широкими полями, скрывающими в тени его глаза. Его рабочая рубашка и штаны ему великоваты, словно он донашивает одежду старшего брата. Деревенский говор этого парня, словно глоток свежего воздуха для моих измученных драконской речью легких и напоминание о том, каким захолустьем остался дом моего детства, несмотря на статус столицы префектуры. Невзирая на идущие вперед года, Бакминстер всегда был местом, где люди прежде всего склонялись перед жизненными потребностями, а не надуманным авторитетом власть имущих.

– Как тебя зовут? – спросил я, намеренно игнорируя его вопрос. Я сгибаю свою ногу, чувствую жёсткие ножны, трущиеся о мою кожу. Вспоминаю, как легко этот нож вошел в потроха того водилы. Инс-

тинкт – наследство годов тренировок в спецназе – поднимает свою клыкастую уродливую голову, побуждая мою руку выхватить тот же нож и избавиться от угрозы, с которой мне пришлось столкнуться.

Никогда не задавался вопросом, отчего убивать стало так легко. Это приходит с опытом и временем.

– Я сказал – вы знаете что-нибудь об этом жмурике? – паренек двигает вилами в своей руке, поворачивая зубцы так, что они отражают солнечный свет, пробивающийся через затянутые облаками небеса.

Есть две причины, по которым я вернулся на эту ферму на Бакминстере: первая – найти свои корни. Вторая – найти свою душу. Я вернулся не для того, чтобы убивать маленьких мальчиков, считающих себя взрослыми мужчинами.

Иногда лучший способ блефовать – сказать правду. То, как это работает, зависит от того, какую именно часть правды ты скажешь. Я повернул голову в ту сторону, где должно было находиться тело водителя такси.

– Он хотел меня ограбить. Привез меня сюда, а потом стал угрожать пушкой.

Мальчишка облизывает нижнюю губу, обдумывая эту версию. Он продолжает следить за мной, начинает опускать вилы – неразумное решение, но я позволяю ему открыться – затем останавливается, при этом оставляя оружие во все еще угрожающем положении.

– Почему бы тебе не рассказать эту историю моему па? – он поднимает свою голову, и теперь я могу разглядеть его глаза – темно-карие, открытые – глаза Лукаса. Глаза его отца.

В воздухе витает запах позднего лета – земля становится ленивой, словно мать, вот-вот собирающаяся рожать. Я озираюсь по сторонам, проверяя, не прячется ли кто-нибудь ещё в траве, доходящей до бедер в высоту. Судя по всему, это гибридная пшеница. Я провожу пальцами вдоль стебля, обламываю его и высыпаю зерно себе в руку. Вдыхаю богатый, приятный запах. Такой урожай был в те времена, когда мы с отцом еще могли работать вместе без ругани.

– Самое время заводить агромехов, правда?

Вопрос повисает в воздухе, в то время, как на лицо мальчика искажается эмоцией – злостью? – и затем вновь приобретает прежнее выражение.

– Па не работает ни с какими мехами, – говорит он.

По полю пробегает ветерок, и я погружаюсь в воспоминания. Вот я стою в этом готовом к сбору урожая поле, смотря, как мехвоин в мехе шагает по дороге. Выше, чем амбар, в котором я играл. Безукоризненный сверкающий стальной доспех снаружи, человеческое сердце и мозг внутри. Величественный и готовый к битве. Я знал тогда, что стану воином. И не просто каким-нибудь воином, а воином, способным доказать моему отцу, как были ошибочны его примитивные заблужде-

ния. Я стану членом элитных ударных команд Дракона – мечта, которую я осуществил уже давно.

Мечта, которая лишит меня способности прислушиваться к тому, что говорит мне сердце, мечта, которая разорвет мою семью на части.

– Ты сын Фелана Лукаса, не так ли? Я слышал, что твой папаша купил это место. Здесь когда-то был мой дом. Я здесь вырос, – я прижимаю руки к бокам, натягиваю «улыбочку доброго дяди», но паренек все равно относится ко мне с подозрением. На мои уловки он не покупается – Давай, опусти вилку. Тогда мы с тобой мило и цивилизованно побеседуем.

– Как насчет того, что я оставлю свою «вилку» на месте, а ты начнешь шевелить ногами.

Мальчишка может и невысок, но его вилы, увенчанные тремя угрожающе выглядящими зубцам, на которые будет явно неприятно напороться, достаточно «взрослого» размера. Я бросаю взгляд через плечо. Смотрю на поле, находящееся с другой стороны дороги, туда же, куда направлен взгляд мальчика.

Вдалеке Нагосима выглядит размытым пятном на фоне сланцево-серого неба. Но внимание мальчишки привлек вовсе не город. Вместе с лёгким бризом, всколыхнувшим траву и приподнявшим края шляпы пацана, до нас доносятся звуки битвы. Даже невзирая на то, что их источник был слишком далеко, чтобы я мог его увидеть, эти звуки были знакомы мне не меньше, чем морщины на моём лице.

Боевые мехи. Участвующие в тренировочном бою с применением настоящих боеприпасов.

Мой собственный взгляд следует за взглядом парня, и, внезапно я вновь оказываюсь в кабине, пристегиваю свои ремни, надеваю нейрошлем и регулирую его положение на голове, подсоединяю биокабели, подключаю питание...

Я обрываю свои воспоминания, чувствуя, что обливаюсь потом. Пилотирование меха было лишь одним из видов моей деятельности, но проститься с воспоминаниями о пребывании в его кабине нелегко.

Мальчишка, похоже, не заметил, что я погрузился в собственные мысли. Мехи находятся достаточно далеко, так что он, скорее всего, не может видеть бой во всех подробностях, но лицо его выражает невероятную заинтересованность.

Проявлял бы он такой же интерес, если бы знал, каково это, заживо печься внутри машины, выпуская снаряд за снарядом, когда зловоние пота и страха исходит из твоего тела словно гной, когда люди вокруг тебя – живые люди внутри своих машин – погибают?

Я делаю шаг вперед, но меня тут же останавливают поднятые вилы, с угрожающе поблескивающими зубьями.

– Не подходи ближе, – предостерегает парень. Он поднимает лицо, и я вижу вызов в его глазах. Та, старая часть меня, играет с мыслью

о том, чтобы этот вызов принять. Но новый «я» сделал другой выбор: прекратить убивать и вернуться домой.

Ох, если бы все было так просто.

– Мне по нраву твое предостережение, сынок. Предостережения помогают жить дольше, – я развожу руки и иду к ферме на дальнем конце поля. Даже несмотря на то, что он, скорее всего, не мог видеть мехов с того места, где мы стояли, мальчишка не в силах отказаться от искушения бросить один последний взгляд на горизонт, когда я прохожу мимо. Его желание сравнимо с тем желанием, что когда-то было у меня.

– Ты знаешь, каково это быть внутри этих машин? – я иду немного сбоку, чтобы иметь возможность следить за его вилами.

– Ты же не мехвоин, – не смотря на свое возражение, он широко раскрывает глаза, позволяя вилам опуститься немного ниже.

– Некоторое время ты чувствуешь себя так, словно ты на вершине мира и никто не сможет тебя оттуда сбросить, – я хорошо помнил то чувство удовлетворения, той гордости смешанной с капелькой гордыни. – Затем ты устаёшь от жары, когда ты печёшься словно хлеб в духовке, каждый раз, когда ты стреляешь из своих орудий. Устаёшь от чувства страха. Устаёшь от убийств.

– Я знал, что ты не воин. Мехвоины ничего не боятся, – взгляд пацана становится презрительным – Однажды, я буду там, в одном из этих мехов.

Некоторое время мы идем молча, пока я пытаюсь придумать, как выбраться из сложившейся ситуации, а мальчишка жуёт свою губу, словно что-то вспоминая.

– Ты вроде сказал, что твой папа не любит мехов? – я задал вопрос, скорее для того, чтобы отвлечь парня и сохранить вилы в менее угрожающей позиции.

– Па считает, что от них больше проблем, чем пользы.

– А ты, значит, думаешь, что он не прав, – было не удивительно услышать, что Лукас так считает. Пока мы идем, я провожу рукой по полной семян пшенице, наблюдая за тем, как ветер ломает и уносит соломинку, а семена рассыпаются по земле.

– Да всё, что его заботит, это саженцы, да урожай. А мехвоины заботятся о людях, – в голосе моего нового друга определенно чувствуется горечь.

– Сажание пшеницы это инвестиция в будущее, – говорю я, по иронии повторяя слова своего отца – Уборка этой пшеницы это то, благодаря чему мы живем. Благодаря чему живут эти воины.

Прошли годы, прежде чем я увидел правду в этих словах. Годы, полные кровопролития и смертей. Смертей оправданных законами Дракона, но не моим сердцем.

– Они должны быть более осторожными, когда ходят. Мехи, то бишь. Они такие большие и потому не всегда видят, куда ставят ноги. Я пы-

тался объяснить это па, но его это не колышет. Всё, что он видит, это затоптанные ими посевы.

Восстания не в новинку для Бакминстера, факт, который я лично могу засвидетельствовать. Восстание позволило мне покинуть отчий дом, когда пришёл возраст; такое же восстание позволило мне в этот же дом вернуться.

— А в словах твоего отца есть смысл.

Однако, контраргумент пацана — очень острый и железный — упирается мне в спину через рубашку. Рубашку из комплекта униформы водителя такси. Ещё одна вещь, которой однозначно надо будет дать объяснение, когда я встречу с Лукасом.

Когда мы подходим к дому, воздух наполняется запахом жареного мяса. Мой желудок жестоко реагирует на дразнящий аромат, напоминая, что я пропустил сегодня уже несколько приемов пищи.

Напоминая мне, что я дома.

Забавно, что это не воспринимается как дом. Это вообще никак не воспринимается, кроме как нечто чуточку знакомое.

Я закрываю глаза и вижу кур, клюющих корм во дворе, слышу, как ветер раскачивает белье на веревке, чувствую пленяющий запах поспевших томатов. Маленькая стайка бурых гречих, местных птичек размером не больше руки десятилетнего мальчика, бродит среди куриц. Моего отца эти птички раздражали, но мать обожала эти махонькие комки пуха. Она никогда не набивала подушки и одеяла ничем, кроме как их переливающимися коричневыми перьями.

Холодный, мокрый нос тычется в мою руку. Я открываю глаза и уставляюсь на чумазое создание, обнюхивающее мою ладонь. Песчаный пес.

— Далековато ты от дома забрался, — я похлопываю щенка по голове, затем с силой тру свои пальцы о штанину. Никто толком не знает, откуда происходят песчаные псы, но одно прикосновение их похожей на проволоку шерсти цвета песка, покрывающей их словно броня, вызывает на коже зуд и чесотку.

— Его дом *здесь*, — говорит мальчик, и я киваю. Дом для мальчика и для щенка, да. Но не такой же дом, какой оставил я когда-то.

Мы отходим от белого домика, обшитого досками, с кружевными занавесками в окнах и исходящим от него богатым запахом и следуем за собачонкой в амбар.

— В этом сарае я получил свою первую взбучку, — говорю я, но мальчик не отвечает. Я прекрасно помню выражение лица отца в тот день. Я сказал ему, что хочу стать мехвоином. Он ответил, что в нашей семье всегда были только фермеры. Много чего с тех пор изменилось.

Мой отец.

Я.

С тех пор я повидал много амбаров на разных планетах. У всех амбаров есть одна общая черта — с острой ли он крышей или плоской,

старый ли или новый, красный или серый – от него неизменно веет сладким запахом животного пота и свежескошенного сена. Запах, по которому я скучал, даже этого не осознавая.

Забавно, как отчетливо могут врезаться воспоминания, связанные с запахами и как эти же запахи могут вызвать приятные воспоминания, заслоняющие собой неприятные. Словно я вновь вижу своих себя, своих друзей прыгающих с расположенного под крышей сеновала в свежескошенное сено, споря друг с другом, кто прыгнет выше, кто прыгнет дальше. Кто сможет перекувыркнуться дважды...

– Кто это с тобой, Кон?

Требуется время, чтобы мои глаза привыкли к темноте. Сначала всё, что я могу различить это тень, приближающуюся к нам. Затем, тень медленно превращается в крупного мужчину, одетого в такую же одежду, что и мальчишка. Главное отличие заключалось в ружье, которое мужчина нес в руке и держал позади себя так, что я не мог опознать его устройство или модель.

– Я нашел этого парня в поле, па. Он убил шофера.

Фелан Лукас снимает шляпу и потирает лоб, не отводя от меня глаз. Он порядком постарел. Остатки его волос поседели. Жёсткое лицо изрезали морщины. Это не те морщины, которые остаются от улыбок или смеха. Это следы трудной жизни. Жизни человека, который не болтался без дела, теряя время попусту, который считает, что кто-либо или что-либо угрожающее его семье или его труду должно быть закопано поглубже в сырую землю.

Не двигаясь, Лукас осматривает меня сверху донизу, словно жука под микроскопом. Я мог бы сказать ему своё имя, но я жду, пока он не обратится ко мне, пока как-нибудь не пробьет брешь в той скорлупе отчужденности, покрывшей меня настолько, что я не могу ощущать окружающий мир. Он смотрит мне в глаза, изучая, проверяя меня. Годы тренировок воспитали во мне такую уверенность в себе, что её невозможно скрыть. Он это видит. Он знает, что я могу убить и его, и мальчишку прямо сейчас, стоит мне только захотеть.

И это его не пугает.

– Ты вооружен?

Сейчас не может быть никакой полуправды. Единственный способ поладить с таким человеком как Фелан Лукас – быть абсолютно честным. Я двигаюсь медленно. Поднимаю правую штанину, показывая ему край моих ножен на лодыжке. Опускаю штанину обратно. Мальчишка еле сдерживает испуганный возглас, но Лукас ничего не говорит.

Звуки снаружи приглушены, словно кто-то накрыл амбар тяжелым покровом. Где-то в темноте фыркают животные. Курица кудахчет, но быстро замолкает. Я слышу, как дышит Кон – быстрые, частые вдохи выдают его волнение. Вдохи его отца медленны и глубоки. Спокойны.

Как и мои.

Я изображаю подобие улыбки. Лукас озадачено морщит лоб.

– Я тебя знаю, – говорит он. Морщины на его лице разглаживаются. Ствол винтовки опускается к полу, – ты сын Хендала, так?

– Да, сэр, – я должен бы чувствовать облегчение, но скорлупа не дала трещину. Ещё нет.

– Не признал тебя в этом шутовском наряде, – он показал на форму таксиста.

– Я взял эту одежду у человека, которому она больше не нужна.

Взгляд Лукаса становится более оценивающим. Я уже не чувствую себя жуком, скорее мышью, придавленной кошачьей лапой. Я немного поднимаю руки, чтобы развеять его сомнения.

– У меня были небольшие разногласия с властями, мистер Лукас. Похоже, я больше не схожусь с ними во взглядах, – на пути к этому месту я посетил могилу отца. Я пытался сказать ему, что он был прав насчет мехов. И насчет всего остального.

– Твой батька всегда говорил, что ты вернёшься. Жаль, что его сейчас здесь нет..., – Фелан Лукас прочищает горло, – так ты теперь дезертир, а?

Дезертир.

Это слово звоном отдается у меня в ушах. Человека, который скорее бы убил себя, чем навлек позор на Дом Курита. Для простого мехвоина Синдиката не исполнение своего долга означало бы быструю смерть, но для оперативника ЭУКД эта смерть будет куда более долгой и мучительной. Я опускаю подбородок в подобии кивка, чувствуя, как краска заливает лицо.

– Ты никогда не был мехвоином, – голос Кона наполнен ненавистью.

– Хватит, сынок, – Лукас делает глубокий вдох и напяливает шляпу обратно на голову. Он засовывает ружье подмышку и делает шаг вперед, протягивая правую руку.

– Рад тебя видеть.

Я беру его руку, пожимая её так же сильно, как и Лукас, но не более того.

– Я тоже, мистер Лукас.

Лукас усмехается и я улыбаюсь.

Даже не верится, но иногда жизнь предоставляет и такой путь. Ты с трудом пробираешься по горной тропе, одолевая вершину за вершиной, и вдруг внезапно перед тобой открывается просторный луг, и всё сразу становится так легко – до тех пор, пока ты не достигнешь следующей горы.

– Мне нужно где-то остановиться на некоторое время. А то я уже своих ног не чувствую.

– Мы тут не якшаемся со всякими дезертирами. Патрули мехов их дают, как тараканов, – Кон хмурится еще больше.

Лукас поднимает бровь и кладет руку на плечо Кона.

– Иди, помоги маме с ужином.

Лицо Кона приобретает ещё более угрюмое выражение. Он вешает вилы на стену и выходит из амбара, не проронив ни слова. Лукас вновь оборачивается ко мне.

– Слушай, у меня и так полно проблем с этими патрулями, снующими здесь туда-сюда. Если они узнают, что я укрываю дезертира...

– Мой друг умер у меня на глазах, мистер Лукас, – как можно рассказать гражданскому про то, как у меха отказывает защита реактора и он сгорает в вспышке адского пламени? – Её мех загорелся изнутри, а она была поймана в нём и не могла выбраться. Трое из моего копья погибли вместе с ней.

Удивительно, какими пустыми могут быть слова, когда к ним не прилагается никаких чувств. Я хочу чтобы мне было больно внутри, хочу разрыдаться, но единственное, что я чувствую – пустоту, холодную бездну космоса.

Лукас кладет руку мне на плечо и легонько встряхивает меня.

– Жизнь не всегда добра к нам. Твои друзья делали то, что они должны были делать. Мы все делаем то, что должны. Именно так мы выживаем.

Слова. Они заполняют пустоту, а потом тают, словно их никогда и не было. Я качаю головой, бросаю взгляд на вилы, висящие на стене.

– Я должен был погибнуть вместе с ними, но я все еще здесь. Почему?

Прежде чем Лукас может ответить, снаружи доносится грохот. Звук, похожий на отдаленный раскат грома. Знакомый звук.

Звук боевого меха, идущего по дороге.

– Похоже у нас компания, – говорю я.

Выражение лица Лукаса не меняется, но он делает шаг вперед и жестом показывает мне идти за ним.

Мы уходим ту часть амбара, куда не доходит свет. В задней части амбара есть погреб с тяжелой деревянной дверью, которая издает протяжный скрип, когда Лукас её открывает. Он входит внутрь, включает свет.

– Куча свежего навоза в амбаре и горячий воздух снаружи не дадут ему пользоваться своими сенсорами. Кон не преувеличивал – эти новенькие парни стреляют сразу, как только слышат подозрительный шум в своих шлемофонах.

Он улыбается, словно понимая, что я это уже знаю.

Если амбар навевали на меня ностальгические воспоминания, то закрытые пространства заставляли меня вспоминать о войне. О смерти. О боли. Я делаю глубокий вдох и затем медленно выдыхаю. Концентрирую свою силу, словно свернувшаяся змея, готовая к нападению...

...и заставляю свои мускулы расслабиться. Я уже принёс достаточ-

но проблем близким мне людям. Я захожу внутрь. Смотрю Лукасу в глаза.

– Как вам удаётся избавляться о воспоминаний, мистер Лукас? Как вы позволяете им уйти? – я облокачиваюсь на стену, обхватываю руками свою талию. – Я не могу выкинуть её образ из своей головы. Каждый раз, когда я смотрю на меха, я вижу её лицо, обугленное настолько, что единственное, по чему я могу узнать её, это медальон, который она носила на шее. Она говорила, что это на удачу. Но где была удача, когда случился тот сбой в системе? Когда она была заперта внутри этой пылающей железной тюрьмы?

– Если бы у меня были ответы на эти вопросы, сынок, то я бы не сидел на этой ферме, в ожидании того, как очередной мех придет и втопчет мои посевы в землю, – Лукас собирается закрыть дверь, но останавливается – я не буду запирать тебя, но вот свет придётся выключить.

Я киваю, и он выключает свет и прикрывает дверь.

Некоторое время я ничего не вижу, пока глаза привыкают к крошечной тьме. Позади меня что-то шуршит. Привычка заставляет меня выхватить клинок из ножен, прежде чем я начинаю осознавать, что я делаю. Тоненький лучик света просачивается через приоткрытую дверь и отражается от моего ножа. Я ощущаю бритвенную остроту лезвия и готовность убивать. Прислушиваюсь к шуршанию.

Но кто-либо – или что-либо – это ни было, уже затихло. И прислушивалось ко мне.

В глубине моего разума я слышу голоса. Ожившие тени мертвецов, которые уже никогда не заговорят. Я надавливаю лезвием на ладонь, чтобы голоса умолкли. Мои мысли вновь возвращают меня к амбару и к последним словам, сказанным мне моим отцом.

«Убийство – это не решение, сынок. Никогда не было им. Никогда не будет. Для военных ты лишь крепкий хребет и три пары ног*, всё равно что горный мул, готовый жизнь отдать за то, чтобы его по носу погладили. Наше дело здесь, обрабатывать землю. Все убийства всегда приводили к тому, что умирали люди вроде нас.»

В последние годы слова моего отца, слова сказанные так давно, что они лишь чудом уцелели в моей памяти, стали приобретать смысл.

Сомнения – в системе, в своем начальстве – разраставшиеся во мне, словно внутренняя опухоль, наконец добрались и до моего мозга, сделав так, что каждый приказ я ставил под сомнение, ни в одном поступке уже не было уверенности. И всё же я продолжал следовать приказам, пока эти самые приказы не убили моих товарищей.

Моих друзей.

Земля содрогается – ты можешь ощущать эту вибрацию в ногах, но глазами её не увидеть. Это чувство помогает мне понять, что приближающийся контингент не велик. Вероятно один мех на дежурном патрулировании. Судя по реакции Лукаса это не выходящее из ряда вон

событие, просто нежелаемое, однако то, почему мехи патрулируют эту область, остается для меня загадкой.

Разве что только ищут дезертиров.

У меня замирает сердце. Дыхание учащается. Часть моего разума успевает почувствовать страх, прежде чем это чувство исчезает. Моё тело готово к действиям, словно хорошо смазанный механизм, механизм, частью которого я уже не желаю быть.

Другое чувство проскальзывает через мою оболочку, которая начала давать трещину. Стыд. Я пришел сюда за ответами, а не затем, чтобы прятаться в темноте. Я приоткрываю дверь в погреб и осматриваюсь, прежде чем сделать что-нибудь. Амбар, похоже, пуст. Сено приглушает звук моих шагов, пока я крадусь и укрываюсь за огромным дверным проемом.

С этой точки я могу распознать приближающегося меха – это потрепанный ВН-К305 «Бэтл Хок». Луч солнца проскальзывает по двору и отражается от металлического тела в ослепляющей вспышке. Машина останавливается, её огромные ноги отбрасывают тени на амбар. Лукас спокойно стоит перед мехом, держа ружье в согнутой руке.

Адреналин бурлит у меня внутри и бьется в моих венах. Не ошибся ли я в Лукасе? Является ли человек, который теперь владеет домом моего отца, тем, кем я его считаю?

Женщина с седыми волосами – крепкая, как и земля, которую она помогает возделывать – выходит на крыльцо. Я вижу беспокойство на её лице. Она сжимает полотенце в своих руках, скручивая ткань так, словно это шея цыпленка, которого она собирается приготовить на обед. Лукас жестом приказывает ей уйти. После короткой паузы, она заходит внутрь и с силой захлопывает входную дверь.

Я сосредотачиваюсь, пытаюсь задавить свою паранойю. В горле появляется комок, когда пилот «Бэтл Хока» отключает реактор. Люк открывается и цепная лестница с бряцанием скатывается по боковой стороне меха. Пилот – одетый в комбинезон без штанов и ботинки – выбирается из кабины, его слипшиеся от пота волосы блестят в лучах солнца. Этот человек кажется таким же неуместным на этой тихой ферме, как и его мех. Он задерживается на верхней части лестницы, оглядывается по сторонам, потом тянется за чем-то в кабину, прежде чем спуститься на землю, пряча свою правую руку вне поля зрения.

– Здравствуйте, мистер Лукас. Что-то стряслось? – пилот натянуто улыбается, но его глаза выдают беспокойство. Он держит правую руку за спиной, указывая левой на ружье в руке Лукаса.

– Да так, зверье отпугиваю, – говорит Лукас. Я начинаю расслабляться. Дела пока идут хорошо...

Кон выбегает из дома, на его лице написана решимость гнуть свою линию, вопреки отцу.

– В амбаре прячется дезертир. Он убил водилу такси и угрожал моему па.

Лукас ошарашен. Я могу видеть злость на его лице даже отсюда. Смятение. Я с силой опираюсь на грубые доски, чувствуя, как мне глубоко в руку вонзается щепка.

Лицо пилота больше не выглядит дружелюбным.

– Это серьезное обвинение, сынок.

– В этом амбаре нет никого кроме моего старого друга, – Лукас поднимает ружье к груди. Он берет Кона за руку и прижимает его к себе. – Он нам помогал, правда, сынок?

Пилот смотрит в глаза Кона, но мальчик не отвечает. Даже отсюда я могу почувствовать его ненависть. Его злоба горит так, как горела когда-то моя, и я знаю, что это лишь вопрос времени. Я прячу клинок в правый рукав и выхожу на свет.

– Я услышал шум и..., – я разыгрываю удивление при виде меха, – Ух ты. Ну и здоровенный же...

Пилот поднимает взгляд, на его лице написаны удивление и подозрение. Он выводит правую руку из-за спины и его глаза сужаются, когда он видит форму водителя. Он смотрит на амбар. На Лукаса. На Кона. Снова на меня.

И я знаю, что он знает.

– Это и есть твой дезертир? – спрашивает пилот Кона. Он поднимает правую руку, направляя оружие, которое он прятал, на меня.

– Этого не потребуется. Как я и сказал, это старый друг, – большая рука Лукаса прижимает Кона поближе. Пилот осматривает двор и затем вновь смотрит на меня.

– У вас есть документы, удостоверяющие вашу личность и право на эту форму?

Я киваю. Тянусь к карману. Сглатываю и пытаюсь смочить сухость во рту. Я более, чем то, что сделала из меня служба. Я более, чем машина для убийств.

Поэтому я вернулся домой. Не убивать, но перестать убивать. Найти правду в словах отца. Узнать, почему человек внутри машины умер.

И, может быть, вернуть его к жизни.

Но иногда события идут не по заданному плану.

Я достаю удостоверение водителя и идут к пилоту меха.

– У него нож! – Кон вырывается из рук Лукаса и нападает на

меня сбоку. Пилот поворачивается на месте, сверкает выстрел. Лукас вскидывает ружье, но выстрел пилота задевает мою ногу. Я чувствую укол боли, но блокирую её так быстро, словно её и вовсе не было. Я проскакиваю под висящим бельем, чувствуя, как годы тренировок, годы сражений берут своё. Смерть – это то, по чему меня распознают. Убивать – это всё, что я умею. Всё что я умею с тех пор, как мне было чуть больше лет, чем Кону сейчас.

– Нет! – голос Кона разрезает воздух в тот же момент, когда раздаётся ружейный выстрел. Мальчик падает на землю. Лукас бросается к нему, словно утопающий к спасительной веревке.

Я бросаюсь вперед, оказываюсь рядом с пилотом. Он уставился на мальчика, лежащего на земле, на Лукаса, стоящего перед ним на коленях. Красный цвет затуманивает мой взор, перед глазами всплывают картины мехвоинов, падающих, горящих...

Меня учили наносить удар в уязвимое место между четвертым и пятым ребрами, но это было бы слишком милосердно. Я вонзаю нож глубоко в живот.

– Ты мог не причинять им боль, – шиплю я, чувствуя, как кровь заливает мне руку, темная, как та тьма внутри меня. Его глаза смотрят на меня, взгляд наполнен презрением и он плюет мне в лицо. Я вонзаю нож еще глубже, проворачиваю его внутри и, удостоверившись, что жизнь в его глазах погасла, вытаскиваю лезвие.

– Лукас? – пронзительный женский крик, наполненный паникой, раздается во дворе в тот момент, когда входная дверь дома распахивается. Я отскакиваю в сторону, вновь приготовившись защищать себя. Бой затуманивает мой рассудок и лишь через несколько мгновений, я начинаю осознавать происходящее.

Лукас падает на землю перед Коном. Его глаза покраснели, слёзы бегут по щекам.

– Я пытался отвлечь его, – шепчет Лукас – но Кон оказался на пути. – На боку Кона расплзается красное пятно. Я склоняюсь, приподнимаю его рубашку. Осматриваю рану.

– Чистое попадание, – говорю я Лукасу – навывлет. Если вы доставите его доктору, то с ним всё будет в порядке.

Мать Кона отталкивает меня в сторону и прижимает сына к груди. Я отстраняюсь, освобождая ей место. Глубоко вдыхаю запыленный воздух. Рубашка водителя, мокрая от крови мехвоина, прилипает к моей груди. Я вытираю лезвие о штанину – лезвие, которым мне скорее следовало бы покончить с собственной жизнью, чем навлечь позор дезертирства на Дом Курита – и вновь прячу его в ножны.

– Ты лишь подлый трус, – произносит Кон. Он отталкивает мать, но свой взгляд, полный ненависти и боли, не отводит от меня.

Лукас встает. Берет мою руку.

– Теперь ты не сможешь остаться, – говорит он, скрежещущим го-

лосом. В его глазах я вижу извинения, но я знаю, что он никогда их не произнесет.

– Я знаю, – я пытаюсь скрыть свое отчаяние, но знаю, что он видел его – Просто...

– Возвращение домой не всегда дает ответ, – говорит Лукас.

Лицо Кона становится жестким, словно броня меха. Он с трудом поднимается на ноги, сначала опираясь на свою мать, затем самостоятельно выпрямляется.

– Он клятый дезертир. У него нет дома.

Жестокие слова режут мне сердце так, как никогда до этого. Я делаю глубокий вдох, пропуская чувство через себя. Когда-нибудь парнишка поймет.

Я смотрю в глаза Кона и вижу в них решимость, страстное желание.

А может быть и не поймет.

Я выжидаю секунду, позволяя боли в колене утихнуть. По личному опыту знаю, что такая рана быстро не лечится. Моей душе понадобится еще больше времени, но теперь её оболочка разбита. Я бросаю взгляд на амбар, задерживаю его на сеновале, глубоко вдыхая сладкий запах соломы, вновь чувствуя укол боли в своем сердце.

И я поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Знаешь, я тебя еще найду, – Кон говорит низким, злым голосом, таким, каким он разговаривал, когда впервые встретил меня. Ядовитым, словно клыки змеи – Когда у меня будет собственный мех...

– Кон! – Лукас поднимает руку, словно хочет ударить своего сына. Затем медленно опускает её. Морщины, оставленные на его лице легкой жизнью, становятся глубже, словно обнажая битву, происходящую внутри него.

Битву, которую мой собственный отец проиграл.

Мех против меха. Машина против человека. Отец против сына.

Моя душа ещё может излечиться.

Но другая душа будет неминуемо разъедаться, с каждой минутой всё больше и больше, пока мальчик будет становиться мужчиной.

А мужчина превратится в машину.

Прим. переводчика:

* в оригинале

You're nothing but six legs and a strong back far as the military concerned – a mountain mule willing to give his soul for a pat on the nose.

Судя по всему, либо на Бакминстере живут какие-то особенные шестиногие мулы, либо это отсылка к шестиногим одесийским раксам (хотя мулами их не назовешь), либо какой-то фразеологизм, о значении которого я могу только догадываться.